

От публикатора

Это интервью было записано в ночь на 23 августа 2003 на слете «Костры» под деревней Тверитино Серпуховского района Московской области. Планировались воспоминания об истории возникновения Тульского Клуба, но, как водится, разговор уходил в сторону, возвращался к теме, уходил снова... И получился – не только «Об Этом».

В разговоре принимал участие Владимир Соснин. Его реплики *выделены курсивом*.

Записанная на бумаге живая речь что-то теряет. Но я постарался, как можно меньше править, надеюсь, нить разговора не потеряется. Итак, ночь, костер, мелкий дождик, Альпшюлер...

Я посмотрю потом, что у меня осталось в бумажках... Но в 73-м году я попадаю на конкурс туристкой песни в ДК профсоюзов, который теперь «Олбани». Там неплохо поют двое, трое... Один из них, с мощным голосом..., некий Селищев с машзавода... спел Баксанскую, хорошо спел... И вдруг выходит дуэт Игоря Цветкова и Владимира Соснина. Они поют... вторят. И, я понимаю - вот это то, что мне все время хочется слушать. Я поближе перебрался... Раз вещь, два... Вы ведь три спели? Меня это дико удивило, как это так здорово. Потом ты один пел? Кто это, что... Я очевидно захотел найти этих ребят... И нашел. Попроще тогда было. Нахально спросил все, вплоть до того, где живешь. И дальше вел себе совершенно последовательно. Приперся с гитарой туда, домой, как это выдержал Володя и его близкие... набросился: «давай петь..., учи меня, как это вообще делается: вторым - голосом петь». Соснин: *«У нас в это время каждому человеку приходящему были рады»*. За горло взял. Получилось нормально... Может, и были в семьях люди, которые не очень этому радовались. Перенесли мы наши встречи из Володиного дома сначала ко мне, потом еще куда-то. Эта встреча добавила мне энтузиазма заниматься этим шире, не только для себя...

Мне всегда нравилось слово, звучащее хорошо. Первым шагом в сторону КСП для меня были сказки голосом Николая Литвинова в детстве. Если бы не было Николая Литвинова, никакое КСП меня может быть не заинтересовало... Рассказывать так, с такой интонацией, значит, навсегда очаровать речью, которая и есть музыка, ее фонетическая составляющая (то есть конечно музыка – это фонетическая составляющая речи, а не наоборот). Мне в песне нравится речь организованная, глубоко интонированная, хорошая сама по себе – интонировать чепуху все равно не станешь. И еще в школе у меня появились кусочки Никитина, Клячкина... В институт - в колхозе сначала кому-то подыгрывал, потом раскрутили «спой сам»... И вот с Володей мы начали с Окуджавы..., что-то совсем простое в терцию И совершенно балдели от этого...

Потом попали в Москву на слет... Сначала я из стройотряда попа на районный фестиваль, потом – областной, республиканский в Алма-Ате. Нас 22 человека собралось от стройотрядов Казахстана... В тошноте из самолета вылез. Все уже попели не иначе как под оркестр, а мы, трое идиотов с гитарами, тогда попели среди них под гитару, и только мы слышали друг друга, хотя и познакомились только что. Остальные никого, кроме себя, не слышали, все лидеры... Там мне дали адрес Александра Васина, и мы попали с Володей на 14 московский слет, в 73 году осенью. Был дикий холод, выпал мокрый снег прямо на нас, и были здоровые ребята, которые просто перестали двигаться, трясутся... не могут начать разводить костер.

Нас удивило все. Были явки какие-то, мы секретным образом собирались в каких-то подъездах, нас, оглядываясь, вели какие-то люди, рубили хвосты. На разных остановках в одну и ту же электричку впрыгивали группки, и постепенно она заполнилась диким количеством людей с гитарами.

А очередные стайки и хвосты, которые все же увязались, все подсаживались туда же к ужасу обычных пассажиров. В конце концов, одного из отставших передавали над головами вслед за его рюкзаком и гитарой на руках к его группе к ликованию всеобщему.

Обстановка фантастическая... Вышли в темноте, полтора часа шли, прошли через деревню и размесили ее вдребзги пополам. Когда шли обратно, я понял, что все это время они не могли, наверно, переплыть на другую сторону слободы... отрезано надолго... до морозов... никаких сапог не хватило бы.

Организационный уровень был огромный. Протянули кабель, явно было хорошо определено, что кто делает... Погода была уродская, около 0°, с сильным ветром, сначала промочило насквозь, потом снегом... Утром было красиво, все в толстом слое снега... На сцене какой-то безголосый мужик на одной струне. Витя-Витя... Чему тут радуются? Оказалось - Луферов. Они там все уже понимали. А мы только сильно позже поняли, что к чему.

А уже попели! Все только свои – все вокруг умеют петь, моментально расхватили голоса... Внутри этого пианино дрожишь весь.

Приехали с вот такими глазами, с эмблемами...

На 14-м запомнил Костромина. Народ стремился попеть на голоса... помягче... Под Никитина. И резко поющий Анчарова Костромин...

Тут у меня сбой в памяти... когда я разыскал Костромина? после 14-го?

Я попадаю к Костромину... Он приветлив очень, никакого барьера... Это было очень привлекательно... к нему хотелось подходить... с консультациями, прочим... Так вот, я приезжаю к нему в общагу МГУ, не менее чем с магнитофоном «Дайна» который у меня на вахте пытаются записать, чтоб я его потом никогда не вынес...

Все в общаге меня удивляет... Тем не менее, ищу его и нахожу. Он там уже с женой и ребенком, тесно, нормально, по-общежитейски.

Попадаю к нему, напролом, не теряя времени «У меня какие-то обрывки, один Визбор, три песни Никитина, я путаю это с блатными, чуть-чуть Кукина, никакого материала, ну дай мне каких-нибудь записей, я прямо с магнитофоном приехал, я понимаю, что мне вот это нужно, я не знаю, где все это взять». Он выслушал... Берет гитару. Микрофон у меня почему-то был, то ли у него?.. Говорит: «Ну, я спою сам, чего помню...» - «Ну, думаю, резину тянет», я-то прошу настоящих записей. Неужели сложно? Я бы взял, перекачал, я ведь специально сам приехал, может ему страшно с собой отдать записи. А он сам, вот сам он споет. Он берет гитару, у него расписаны аккорды на бумажке, вся наука расписана на стенке: в какой тональности играть, куда сдвигать. Вот фундаментально-то подходит... Мы-то были совсем розовые. И начинает он мне петь... Ну, хорошо, и песни интересные... «Мокрый вальс» меня сразил. Я Клячкина тогда мало слышал. Играет очень точно... И все же у меня внутри червь так и гложет, а вот, если настоящие записи авторов, а не так вот... Он мне целую пленку напел. Потом мне объяснили, с какой проходной можно выйти с этим магнитофоном, чтобы не заметили.

Уехал, сижу изучаю.

И потом Вера Порфентьева мне пересылала Кима по почте, пленки какие-то... И только потом, через год, после пары слетов, я понял, что ничего лучшего, чем та первая пленка у меня так и не появилось... И с годами понимаю – он пел самым правильным образом и самые правильные песни и самым лучшим образом понял, что мне нужно. Это был самый правильный ответ на мой запрос...

Так или иначе, мы и на весенний слет должны попасть... А что же, мы ничего не делали за это время? Мы развивались. Я повесил плакат в главном корпусе [Тулского политехнического института - А.Ю.], ни у кого ни о чем не спросив, пришил кнопку... А поскольку я все это делал очень уверенно, то как старики-разбойники имел успех: все подумали, что с ведома... Там и ещё в 5-м корпусе, сам нарисовал. Хорошо нарисовал, с гитарой. Я не знал даже, как это называется, КСП какое-то, я еще не принимал это слово. «Самодетельная»... думал надо сказать «бардовская» или «поэтическая»... Какое-то слово надо придумать. «Самодетельная»... пахнет какой-то деревенской самодеятельностью... Хором... Я просто написал: «Кто знает и любит песни Никитина, Визбора, Кукина, Новеллы Матвеевой приходите в аудиторию...» Я зашел в диспетчерскую и спросил, где есть свободная аудитория в 7 вечера. И поскольку все это делал уверенно, мне начали показывать какие на каком этаже, я и выбрал... И пришло человек 20. И в начале вот они в основном и работали – костяк. На четвертом этаже главного корпуса, 408 аудитория... Соснин: *Потом нас под крыло профкома взяли.* Да, потом меня строго спросили, что за самодеятельность, а мы уже месяца два всю работу.

Мы стали собираться регулярно... Там выделился дуэт Ивашенцев – Трушина, было трио... был квартет Виктор Дереняно, Юлия, Володя, еще кто-то. Они очень долго, зато по нотам, раскладывали... Клуб из 20 человек создался, и приходило максимально до 80 человек. Мы диктовали, разучивали слова, показывали 2-й голос – это всё для всех приходящих по четвергам, а по понедельникам – для себя – основной бригады - занятия – двигаться вперед, готовиться к слету... Я приходил обвешанный гитарой, пленками, магнитофоном... Обменивались тут же записями... Приходил Юра Попов, лыжник, у него был от природы настоящий голос в отличие от всех нас. Как он с нами мучался, под нас стараясь подделаться... И вот он устанет, выйдет в коридор после занятий, вздохнет и как даст: «- Кааааину дай раскаянье»... Вахтеры знали на 1 этаже – это он поет на 4-м.

Что существенно. В первом поколении мы только и делали, что что-нибудь делали. Работали, готовили концертную программу, набирали сил. Ну, во-первых, этого хотелось, а второе: мы увидели, что москвичи все это умеют, знают, а мы какие-то дремучие... Хотелось догонять и обгонять... Мы нахально, что сделали... К нам Васин привез такой концерт... Он и сам был с Белецким и Ириной... они и сами поехали, а он нам привез ещё Анатолия Иванова. Потрясающий был концерт. У нас было столпотворение, никто никого не ограничивал... пришло столько народу, что сломали и уронили дверь в зал... Выпустили джина из бутылки... Сидели на ступенях, в проходах... Потом были еще концерты. Мы сами придумывали сложные концерты: Виктор Шабанов – Владимир Ченцов (Челябинск). «Скай» с Костроминым, Ланцберг и Устинов, «Жаворонки», Михалев у нас пел... кого только не было.

Следующий слет, к которому специально готовились, 15-й, когда партия и комсомол взяли это под крыло... Москвичи хорошо огрызались... Помню плакат: «Слушай, на время «Время» позабудь», фразу насчёт Юлия Михайлова – «Как Ким ты был, так Ким ты и остался».

Мы к этому времени набрали мускулатуру. Мы клубом прослушались у тогдашних фильтровальщиков. Это было попроще, чем сейчас, по одному - по два, видно опытных, человека слушали, сказали «вот этих возьмите». И мы на сцену попали... Некоторые вещи мы повторили за «Надеждой», но что-то было в смысле аранжировки уже и свое. Дольского «Красный кораблик, синий флот», «Барабанщик» Анатолия Иванова... Гостей было мало, слет был московский. Но нас приняли. Одарили вымпелами прошлых слетов, сказали «имеете право», подарили тетку на самовар – под пряники, к нам подходили, записывали... Мы по облакам ходили.

Мы еще года два разные вещи придумывали, на Тульском радио записывались. Программа клуба была на 40-45 вещей, которые не стыдно было показать. По первой просьбе могли на любой площадке выступить, хочешь на 15 минут, хочешь на два часа.

Был человек, приставленный к нам, но не мешал, тихонько сидел..., мы только потом поняли, кто такой и откуда, не поет, не играет...

Были мы сначала исключительно на московских слетах. Один раз – в Риге. Потом я попал на протвинский один... Потом нас там же пятеро было, с пятиголосьем, Ланцбергская «Не торопись считать себя везучим»...

Потом, сколько-то поколений клуба жило... Там то Боря Косолапов главный был, то Саша Неваленный, Рябовол Виктор, Филиппов Юра, «Вася» (Володя Чечурин). Но такой интенсивности работы с песнями, инструментом, подготовкой к выступлениям, думаю, больше уже не было... или мы были неправильные? Клуб – он еще и для чаепития, наверное, так назовем. У нас же тусовочная часть была подчинена попытке узнать, продвинуться. Мы просто хотели собираться, мы и не знали, что это «клуб» называется.

С Володей мы просто попеть собирались...

Умение раскладывать на голоса принес Володя, у нас две гитары - его нейлон шестиструнный, моя, семиструнная – металл.

Соснин: В 71 году первый раз попал на Грушинку, был на практике в Ульяновске и попал... 7 тысяч участников почти у всех семиструнки. «Поющие бобры» и много многоголосья. Мы тогда пели Окуджаву, любовь к этой песне начиналась с него, и когда я услышал, что они делают – захотелось так же и лучше. Еще важно. Как было: попадаем на слет, бросаем все в палатке и не беспокоимся. Если что-то терялось – есть развязочная. Подходишь к костру – гитара по кругу.

А с 17-го потянулось... У кого-то пропали котлы, потом смотали и утащили верёвку со всеми флагами клубов, главный символ - колокол стянули...

С тех пор, для меня клуб – значит фильтр. Это должны быть синонимы. Если что – вообще для всех – значит - не для меня, значит - не клуб.

Себя показать для нынешних стало важнее... Интересуются своим успехом, в лучшем случае - жанром, но не друг другом.

Меня продолжает интересовать во всем этом бескорыстная песня. А уж среди нее, я бы выбирал.

А потом были областные конкурсы – «Атеусы», но это лучше найти Косолапова, Маринку, Юру Филиппова... Витю Рябовола...

Давайте споем лучше. Вот одна из первых, которую услышал «Здравствуй, это главное - ты здравствуй...» Сейчас невозможно писать также искренне и красиво, потому что это уже сделано, или авторов таких нет?